

Сын Давыда — Солóман

У царя Давыда брат был слепой, у брата была жена, а у жены дружок. У ней на дереве кровать доспета была. Муж ее подозревал: охватил охабкой дерево, как жена заходит, а жена уж раньше дружка пустила. Давыд сидит с женой, глядит в окошко, говорит:

— Я Господу Богу помолюсь, брат у жены голову ссекёт. Жена у Давыда и говорит:

— Нет, она на землю спуститця, три ответа ему принесёт, дак не ссекёт голову у ее.

Солóман в брюхе (Давыдовой жены) и говорит:

— Бляди по бляди и клобук кроют.

Царь Давыд змолился Господу Богу, у брата и глаза етали, и заскакал.

— Ах, така-сяка! Спустишь этта на землю.

Жена спустилась, он сторожит иё, она и говорит:

— Ужо, ужо, дай мне спустится, што я тебе скажу,

Спустилась и говорит:

— Посмотри-кось, ты сидел тридцет лет без глаз, я над твоей головой согрешила, тебе Бог глаза дал.

Он и руки опустил.

Давыд куда-то отлучился, Давыдова жена без него и принесла сына, и говорит:

— Какой это мне сын будет? Он в брюхе што говорил, а выростёт, дак он меня убьёт.

Взяла его кузнецу и снесла, вместо того кузнечового сибе; взяла. Дети растут, Давыд куда пойдёт с сыном, сын и говорит:

— Эко, батьшко, место красиво, нам бы, кузничу ставить. А Давыд и говорит:

— Што ты, сын, ты бы говорил: «нам на ёко место на красиво город ставить, да людей населеть».

Кузнеч пойдёт, найдут место красиво, сын и говорит:

— Батьшка, нам здесья город ставить, да людей населеть. А кузнеч и говорит:

— Што ты, сын, ты бы говорил: «На эко место на красиво кузнечу ставить».

Вот царь долго ли жил, коротко ли жил, здумал сына испытать; послал за кузнечом, пришол кузнеч.

— Царь Давыд, на што меня звал?

Давыд и говорит:

— Приди ко мне завтра, не наг, не в платье и стань не вон, не в избу.

Кузнеч пришол домой и сказыват, што говорит Давыд. Сын и говорит:

— Глуп ты, кузнеч, вот што, ты налож на ся мáтичу, на ноги налож лыжи, приди летами к сенецному порогу, а носками к избному.

Кузнеч так и сделал. Давыд говорит:

— Ах кузнеч, не твои это замыслы. Это замыслы сыновьи. Опеть кузнеча царь Давыд позвал и говорит:

— Уведи у меня быка, через ёстольки поры, через ёстольки время, што бы бык у тебя отелился.

Кузнеч пришол и закручинилса, и рассказыват сыну. Сын велел быка убить, и варят. Пришло то время, когда бык должен был отелитца, сын и говорит:

— Кузнеч, сёдни байну истопи.

Истопили байну.

— Ляк на полук и реви: «тошно мне стало, тошно мне стало».

Кузнеч сделал так. Идут слуги.

— Чего, кузнеч, ревьёшь.

— А приношусь.

Слуги говорят:

Што ты, дикой, каки мужики приносятца?

А кузнец и говорит:

— А мужик не приноситца, дак и бык не отелитца.

Тем дело и кончилось то.

Царь Давыщ доспел для робят обед, всечины настряпали, наварили, набралася одна изба полна. Давыд говорит:

— Кто царь Солóман, выше садитесе.

А кузнечов-от сын научил робят:

— Все мечитесь за стол, хоть выломайте и кричите:

— Все цари, все Солóманы.

Все робята мечутца за стол, так Давыд тут и не узнал. За столом ели, ели и спрашивают:

— Сыты ли робята?

А робята говорят:

— Чего ели, того сыты, чего не ели, того ище хотим.

— Хотите ли киселя, да пресного молока?

Они говорят:

— Киселю да пресному молоку будет место.

Вышли робята из-за стола, кузнецов сын с робятами играют, возьмут меж ноги полено, то, говорят, на коне ездим. Вот они ездили, ездили один у другога, которой-то полено украл, Солóман зачал судить и говорит:

— Конёкраду да сенокраду спуску нет.

Долго ли жили, коротко ли жили, идёт старуха с рынку, меру муки купила; понесла муку, потенул ветер, эту муку унесло. Пришла старуха к царю Давыду на ветер суда просить. Царь Давыд говорит:

— Я как могу Божью милость обсудить?

Кузнечов сын и говорит:

— Как ты, Давыд-царь, не можешь это обсудить? Дай мне клюку и скипет и всю царску порфиру, я седу на твой престол, обсужу.

Царь Давыд посадил на свой престол кузнечова сына судить. Собрал в город сколько есь народу, стал спрашивать:

— Кто в этот день, в эти часы, в эти минуты ветру молил?

Какой-то там и выскочил карabelычик и говорит:

— Я молил по́собны.

Соло́ман ему и велел старухе меру муки насыпать.

(Марков Павел Григорьевич)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.